

Несколько часов назад.

«Мне нужно сказать ей, что мне жаль».

Его рациональная саморефлексия пришла уже после всего лишь половины дня заключения.

Эд поднял голову на фоне чувства жалости к себе и всевозможных самоуничижительных эмоций.

«Сначала я был зол. То, что зачитал Сезар, было явно нелепой выдумкой. Нет необходимости вдаваться в подлинность контента, потому что Сезар просто не знает, как расшифровать «Слезы Николя*». Похоже, что Лилоа думала, что это код Мандуса, используемый офицерами, но «Слезы Николя» - это кодовая система, известная только ныне отставному Николе, Сагастару и небольшой выборке высокопоставленных офицеров на Више... Если бы Сезар не стал мной, он не смог бы вытащить книгу из комнаты моего адмирала на Више, в десятках тысяч смертей от Колокольной скалы...

Эта абсурдная ситуация... если бы у Лилои была хоть капля подозрений, она должна была бы заметить, что все это было частью более крупного заговора. Но она поверила в это в мгновение ока. Она даже не посмотрела на письмо; все, что она знала, это то, что читал Сезар. Именно абсолютное доверие не оставляло места для подозрений. Я не уверен, почему она делегировала эти полномочия Сезару, но увидев их прямо перед моими глазами, я пришел в ярость.

Я не могу принять это вообще. Это была не только Лилоа, но и Сезар... Его насмешка, которую я видел на днях, все еще так ярка. Я отрицал это в начале, но, оглядываясь назад, это определенно был смех, предназначенный для того, чтобы издеваться надо мной».

Сезар, возможно, считал Эда своим соперником, но Эд был уверен, что тот, кто одержал верх, был им самим.

«Несмотря на их романтические отношения, я всегда думала, что у меня гораздо более полное понимание Лилои, чем у него. Как и тот факт, что Сезар понятия не имеет, что Лилоа страдает от ночных кошмаров...»

Это еще больше затруднило эду понимание.

«Сезар, который только ждет выхода Лилоа на пенсию, и Лилоа, которая, естественно, верит в Сезара».

Эд, наконец, начал задаваться вопросом, смотрел ли он на иллюзию все это время.

Возможно, именно Сезару не нужно было воспринимать своего соперника всерьез. Чувства

Лилои к нему очень сильны, и он это хорошо знает. Конечно, Лилоа тоже должна знать об этом... В конце концов, только я был глуп...»

Он стиснул зубы от отвращения к выбору Лила. То, что казалось очевидным для них обоих, стало жестоким сюрпризом для Эда. Какое-то время он был обманут не только трансформацией Лила, происхождением его иллюзии, но и абсолютной верой в то, что это могло что-то значить... Когда он начал подозревать, что все было иллюзией, он почувствовал стыд и ненависть к себе, а также гнев по отношению к Лил...

Внезапно в его голове взорвались всевозможные вопросы.

«Почему она продолжала отрицать эффект артефакта? И почему она заставляет людей чувствовать себя виноватыми, принимая вещи так небрежно? Как она может назвать этот поступок верой, если от него ей так легко отказаться? Почему я так страдаю?

Ее сомнения и убеждения основаны на ее собственном удобстве. Как произвольно! С того момента, как мы встретились, Лилоа дала понять, что ее доверие невыразимо трудно дать, поэтому я подняла настроение шутками. Но теперь, когда я думаю об этом, это уже даже не смешно. Ее доверие было легким, как перо, когда я его получил, но отнять его — одно из самых сложных чувств в мире...»

Именно тогда его внутреннее смятение прекратилось. Когда он думал о том, чтобы «забрать его», образы перед его глазами стали такими яркими. Он был уверен, что может даже слышать звук капающей воды. Он начал плакать, смеясь, как красивая, жалкая, но жалкая фигура, которой он был.

«Даже достигнув такой низкой точки, единственным, кто хотел любви, был...»

Эд взглянул на потолок своими горячими, бушующими глазами.

«Я виноват только в том, что нахожусь в таком положении. Почему, черт возьми, я почувствовал необходимость тащить себя по грязи? Обычно любовь к себе означает оставить некоторую гордость за себя, но сейчас все напрасно. Уверена ли я вообще, что мои чувства к Лилое не являются любовью? В конце концов, я единственный, кто разочарован. Я беспомощный. Независимо от того, насколько жестокой она станет, я все равно буду умолять о возможности поговорить со мной, даже если она проклянет меня, и даже если я встречу с ее глазами, полными презрения, я все равно буду умолять, чтобы на меня посмотрели...»

Потрясенный чувством беспомощности, Эд в конечном итоге пожелал, чтобы Лил открыл дверь каюты и появился без обиды или гнева. Было безнадежно признаться в страданиях и терпеть их, ребячество желания ненавидеть Лил уже давно упало на колени.

«В конце концов, вся эта чепуха заключалась в том, чтобы она знала, как мне больно. Но какая польза от меня, если Лилоя не придет ко мне?»

На этой ноте он действовал безумно бессистемно. Он думал, что он на чем-то, поэтому он действовал импульсивно.

Тем не менее, кому-то, кого неправильно поняли, должно быть позволено объясниться, прежде чем другая сторона разозлится. Но теперь я ответственна за это недоразумение, а не Лилоя...»

Обида, гнев и стыд Эда пришли гораздо быстрее, чем его сожаление. Сожаление пришло только после того, как буйство уже произошло, и раздражающе щекотало все его существо. После страданий от угрызений совести, которые накапливались с течением времени, он отчаянно пытался получить прощение в конце концов. Он хотел быть первым, кто извинится, но чем быстрее он хотел сказать ей, тем более нетерпеливым становился Эд. Для него их непонимание было не более чем пустой тратой времени. Независимо от того, какие чувства он испытывает к ней, и можно ли их назвать привязанностью или нет, он терял время, чувствуя в растерянности, что его чувства не были взаимными.

Но как бы долго Эд ни ждал, Лил не пришла. Плотная закрытая дверь выглядела в этом смысле так же, как ее сердце. Эд порывался в пепле, до которого была сведена его надежда.

«Она сказала мне объяснить. Разве она не хотела от меня объяснений? В тот момент она даже не могла направить свой пистолет прямо на меня... Даже в тот момент она хотела сохранить мне жизнь».

Однако со временем поочередно появлялись только те, кто стоял на страже. Веревка, которая затягивала его запястья, стала утомительно горькой...

Эд смочил свои пересохшие губы. Немного подняв голову, он столкнулся с Аленом, который прислонился к противоположной стене. Кончики его пальцев, конечно, лежали на стволе пистолета. Несмотря на свою явную враждебность, Ален никогда не пытался приблизиться на определенное расстояние, как будто он прислушался к некоторым советам своего капитана.

Сухой язык Эда двигался жестко.

"... Мне нужно поговорить с капитаном».

Ален взглянул на Эда и покачал головой.

«Даже не мечтайте об этом».

"..."

Словно Ален был недоволен внезапным молчанием, добавил он с более свирепым взглядом.

«Этот человек выступает за справедливое судебное разбирательство, поэтому, если вы начнете жаловаться на несправедливое обращение, скорее всего, он действительно выслушает вас и даже будет подвержен влиянию этого... Ни в коем случае в аду, я позволил этому случиться».

— Почему?

«Что вы имеете в виду, почему? Неужели такой военно-морской флот, как вы, не понимает ситуации?»

"..."

«Быть шпионом означает, что вы даже не совместимы с животными, но вы все равно действуете так смело. Ну, опять же, вы должны быть такими бесстыдными, когда вам нужно иметь возможность продать жизнь человека в непринужденной обстановке. Ты такой отвратительный... Единственная причина, по которой я позволяю вам жить, связана с приказами капитана. Не забывайте об этом».

«Да, верно, приказ капитана. Потому что он думает, что «позволить мне жить» — это правильно, верно? Но в то же время вы, ребята, притворяетесь, что можете читать код, когда реальность такова, что никто, кроме меня, на самом деле не может».

«Черт возьми! Перестань говорить, если не хочешь, чтобы я сам насильно закрыл твою ловушку».

Эд уставился на старика, который угрожал ему.

«Если вы приведете капитана, я действительно начну жаловаться на то, насколько все это несправедливо, как вы сказали».

"Ва... Что... ты бесстыдный ублюдок!"

«Потому что это действительно несправедливо, не так ли?»

"..."

В ответ на спокойные слова Эда Алэн мог только заикаться. Его лоб и щеки покраснели, и он отвел взгляд Эда. Противоречивые глаза, наполненные чувством вины, обвели кончик пистолета. Эд решил продолжить играть с совестью Алэна.

«Странно, не правда ли? Вы, ребята, всегда говорите о коде... Но что, если меня действительно обижают, что тогда? Кроме того, Колокольная скала не находится в непосредственной опасности. О чем вы все так беспокоитесь?»

"Отрежь дерьмо..."

«Причина, по которой вы, ребята, поднимаете такую шумиху, заключается в страхе. Но в первую очередь бояться нечего».

«Заткнись! Ты военно-морской ублюдок... Я был прав, заткнуть эту дыру во рту будет к лучшему...»

Подойдя к нему с рычанием, Ален засунул кляп в рот Эду и ушел.

Иерихон, который в конце концов пришел за ним, смотрел на Эда, как будто он смотрел на монстра. Вскоре он даже не пытался встретиться с его глазами, и рыдания и причитания были единственными звуками, исходящими от него. Это превратилось в абсурдную ситуацию, когда Иерихон выглядел так, как будто он вот-вот заплачет. Вскоре после этого Иерихон снова покинул каюту, все еще вытирая нос, и Эд ожидал, что Ален вернется. Но парнем, который открыл дверь, был Курант. Глаза Эда расширились, когда мальчик ступил в хижину...

Сноска:

Слезы Николы: Никола был коммодором при Эде до Sagastar. Он был с честью уволен Императором после того, как в основном сошел с ума от работы с Эдом. Зная это, довольно забавно знать, что их код называется «Слезы Николы». Мы можем легко догадаться, сколько слез пролил парень из-за этого, ха-ха.

<http://tl.rulate.ru/book/69952/2769434>